

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/88/15

«Дрожащая тварь» как прецедентный текст в современной русской литературе

Вишакха Верма¹

Валерий Владимирович Мароши²

^{1,2} Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

¹ vermavishakha23@gmail.com

² maroshi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0024-9490>

Аннотация

Статья посвящена обобщению случаев использования прецедентного текста «дрожащая тварь» в русской литературе последней трети XX – начала XXI в. Парафразы наиболее известного прецедентного текста романа функционируют в основном как «слово Раскольникова», но в усеченном виде они в некоторых контекстах сохраняют смысловую связь с пушкинской парафразой. В русской постмодернистской прозе она включается в коллажные цепочки реминисценций и парафраз. Она используется, как правило, в речи героя или героя-рассказчика и становится средством его самооценки. Ее характерологический аспект задан изначальной дилеммой – изображением «право имеющих» героев-карьеристов на новом витке капитализма в России, а также лидеров криминального мира с амбициями мыслителей или, напротив, беспомощных и униженных интеллигентов. При этом сохраняется неустойчивость обозначенных статусов всех этих персонажей и двойственности их самоидентификации. Другой тип парафразы прецедентного текста обусловлен попыткой персонажа подражать Раскольникову или даже превзойти его.

Ключевые слова

Достоевский, современная литература, постмодернизм, прецедентный текст, коллаж, парафраза

Для цитирования

Верма В., Мароши В. В. «Дрожащая тварь» как прецедентный текст в современной русской литературе // Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 217–230. DOI 10.17223/18137083/88/15

© Верма В., Мароши В. В., 2024

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2024. № 3. С. 217–230
Siberian Journal of Philology, 2024, no. 3, pp. 217–230

“The Trembling creature” as a precedent text in modern Russian literature

Visakha Verma ¹, Valerij V. Maroshi ²

^{1,2} Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ vermavishakha23@gmail.com

² maroshi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0024-9490>

Abstract

The paper summarizes the usage of the precedent text, “the trembling creature,” in Russian literature during the last third of the twentieth and the early twenty-first centuries. The text under study appears as quotations, reminiscences, and various paraphrases. Its origin is attributed to Pushkin, who paraphrased the Bible and the Quran in his poetry to create eventually a memorable periphrasis of a God-fearing man. Dostoevsky’s Raskolnikov quotes and then paraphrases Pushkin’s text, altering its original meaning for his own motives. Since that time, dozens of Russian authors have been paraphrasing Raskolnikov. The paraphrases of the most renowned precedent text tend to function as “Raskolnikov’s word,” though in a truncated form they are semantically connected to Pushkin’s paraphrase in some contexts. The phrase and Raskolnikov’s dilemma both became the *locus communis* of the intertext of all Russian literature in general and Crime and Punishment in particular. Contemporary post-modern prose incorporates the dilemma in collage chains of reminiscences and paraphrases. It is typically used by the hero or hero-narrator and becomes a means of self-evaluation. The characterological aspect originates from the initial dilemma, depicting careerist protagonists who “have the right” during the evolving capitalism in Russia, crime bosses driven by intellectual ambitions, or conversely, helpless and humiliated intellectuals. However, the instability of all these characters’ statuses and the duality of their self-identification are preserved. The discourse of specific characters striving to consciously imitate Raskolnikov or even surpass him features a repeated paraphrase.

Keywords

Dostoevsky, postmodernism, modern literature, precedent text, collage, paraphrase

For citation

Verma V., Maroshi V. V. “The Trembling creature” as a precedent text in modern Russian literature. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2024, no. 3, pp. 217–230. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/88/15

Рецепции творчества Ф. М. Достоевского в современной культуре посвящены десятки монографий и статей отечественных и зарубежных исследователей. Особое место в культурной идентификации нации принадлежит роману «Преступление и наказание», с конца 1960-х гг. вошедшему в обязательный для прочтения школьный канон. В нашей статье в фокусе внимания будет минимальная, но наиболее узнаваемая и даже сверхпопулярная единица его текста. Если обратиться к статистике использования прецедентного текста «дрожащая тварь» в разных вариантах, то нетрудно убедиться, что в «Национальном корпусе русского языка» фиксируется резкий рост его использования с 1995 г. в публицистике, СМИ, художественной литературе, а с 2013 г. и в социальных сетях ¹. Главными фактором этого, как нам представляется, стало постоянное обсуждение в СМИ, публици-

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CksqGAoICAAQChgyIAoQBSAAQAVqBDaUOTV4ADICCAE6AQFCKAomCiQKA3JlcRIdChvRgtCy0LDRgNGMINC00YDQvtC20LDRidCw0Y8wAQ> (дата обращения 10.09.2023).

стике, социальных сетях значимых для общества проблем постсоветской России – самоутверждения личности / прав человека / слома традиционных этических норм / роста преступности / роли денег / отношений власти и общества, для оценки которых актуальны цитаты, реминисценции или парафразы из романа. Второй по значимости причиной следует назвать моду на демонстративную вторичность и пародийность высказывания, характерную для СМИ и литературы последних десятилетий (так называемые постмодернизм, стёб и т. п.).

Следует учитывать и статистику, приведенную в социолингвистических исследованиях. Так, авторы одной из статей подтверждают высказанные нами предположения о цитируемости романа и самого популярного прецедентного текста из него (словосочетания «тварь дрожащая» и предикативного высказывания «Тварь я дрожащая или право имею»): «на первом месте (что вполне ожидаемо) – образ главного героя Родиона Раскольников и его общеизвестная фраза «тварь ли я дрожащая или право имею» [Кузьмина, Ремчукова, 2022, с. 53–54]. По данным автора другой статьи, полученным в результате анкетирования, эта цитата обладает и наибольшей узнаваемостью среди всех прецедентных текстов Достоевского: «...ее опознали 291 респондент из 355 – 82 %» [Ефремов, 2021, с. 68].

Пара прецедентных текстов, образуемая прецедентным высказыванием «тварь я дрожащая или право имею» и словосочетанием «тварь дрожащая», по заключению авторов одного из приведенных выше исследований, «используется как средство оценки социальных явлений разного спектра, и приобретает функцию отдельного гиперэкспрессивного средства самооценки в форме риторического восклицания» [Кузьмина, Ремчукова, 2022, с. 64].

Напомним, что в самом романе семантика словосочетания «дрожащая тварь» и предикативного высказывания последовательно трансформируется от пушкинского контекста из «Подражаний Корану» к смыслам, которые вносит в них Раскольников. У Пушкина «дрожащая тварь» как перифраза «человека» значит смирение верующего перед Богом: «Мужайся ж, презирай обман, // Стезю правды твердо следуй, // Люби сирот, и мой Коран // Дрожащей твари проповедуй» (Пушкин, 1960, т. 2, с. 47). В русской версии этих аятов Корана М. Веревкина 1790 г. (87: 9–10) и в оригинальных французских переводах С.-É. Savary и A. Du Ryer, послуживших основой для нее и переложения Пушкина, мы тоже находим только типичный для текстов авраамических религий мотив страха перед Богом: «Проповедуй Аль-Коран: воспользуют боящихся бога» (87: 9–10) (цит. по: [Кашталева, 1929, с. 249]); во французских переводах тоже выражен страх или покорность перед Богом: «Écoutez la parole de l'Éternel, Vous qui craignez sa parole» [Savary, 1892, p. 474], «Celui qui craint le Seigneur y sera docile» [Du Ryer, 1719, p. 510]).

Б. Н. Тихомиров в комментариях к «Преступлению и наказанию» убедительно доказывает, что Пушкин перевел «на язык Корана евангельский стих» из «Евангелия от Марка» [Тихомиров, 2016, с. 317–319]: «...шедше въ мѣрь весь, проповедите Евангеліе всей твари» (Мк. 16: 15). Заметим, однако, что и ветхозаветный образ телесного выражения подобного страха из хорошо известного Пушкину церковнославянского перевода пророчеств Исайи здесь тоже использован поэтом: «Оуслышите гл҃голѣ гдѣнь, трепещущіи словесѣ єгѡ»; в современном переводе «Выслушайте слово Господа, трепещущие пред словом Его» (Исайя, 66: 5) (ср.: «харедим», תִּרְדָּדוּ הַדָּוָד, буквально «дрожащие» – так называют ультраортодоксальных приверженцев иудаизма).

Несмотря на то, что пушкинская парафраза выражает крайнюю степень смирения, ее звуко-символика содержит скорее скрытую угрозу: дрожащий согласный *Р* (гениальное совпадение звука и мотива «дрожания»!) вызывает ассоциацию с рычанием, рыком животного, шипящие *Ж* и *Щ* эту суггестию скорее укрепляют: «дРоЖаЩей ТваРи рРоповедуй».

Раскольников в своей парафразе из Пушкина и Корана усиливает звуко-смысл пушкинского эпитета, сопровождая его образом грозного пророка и жестокого военачальника: «О, как я понимаю “пророка”, с саблей, на коне. Велит Аллах, и повинуйся “дрожащая” тварь! Прав, прав “пророк”, когда ставит где-нибудь поперек улицы хор-р-рошую батарею и дует в правого и виноватого, не удостоивая даже и объясниться!» (Достоевский, 1989, т. 5, с. 260). В его речи обращает на себя внимание усиление аллитерирования на «пр» и «р» (ПРав, ПРав, «ПРоРок», «ПоПеРек», «Право», «хор-р-Рошую батаРею»), которое является звуковым отголоском как основных концептов романа («Преступление...», «Переступить», «Право», «тоПоР»), так и имен персонажей (Родион Романович Раскольников, Разумихин, Петр Петрович Лужин, Порфирий Петрович, Аркадий Свидригайлов).

Трактовка героем Корана тут же подтверждается его оценкой «обыкновенного человека», в которой уже сняты кавычки, обозначающие чужое слово. Теперь это слово самого Раскольникова: «Повинуйся, дрожащая тварь, и – *не желай*, потому – не твое это дело!..» (Достоевский, 1989, т. 5, с. 260). Парафраз как бы из самого Корана и «Подражаний Корану» А. С. Пушкина в его дальнейшем функционировании наполняется смыслами, вложенными антигероем в попытке самоутверждения, и входит в состав предикативной единицы, которая обозначает важнейшую дилемму поведения и поступков героя: «Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или *право* имею...» (Достоевский, 1989, т. 5, с. 397).

Эта дилемма выражает первоначальное состояние колебания, неуверенности в себе и постоянной рефлексии героя – то, что уже задано в автоматическом первом предложении романа: «В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер... один молодой человек... медленно, как бы в нерешимости, отправился к К-ну мосту» (Достоевский, 1989, т. 5, с. 5) (ср. с известным определением самого Достоевского в набросках к «Житию великого грешника», послуживших своего рода текстообразующей моделью для нескольких его романов: «Это-то состояние колебания и составляет роман» (Достоевский, 1991, т. 10, с. 317)).

В дискурсе русской культуры этот выбор по своей значимости оказался сопоставим по значимости с солилоквиумом Гамлета («Быть или не быть – вот в чем вопрос...»), что, возможно, и предусматривал Достоевский, высоко ценивший Шекспира и сознательно вводивший в текст реминисценции европейской классики. Дилемма, выдвинутая антигероем, разрешается в сюжете романа автором в пользу «дрожащей твари» прежде всего в буквальном смысле телесных состояний как его самого, так и его жертвы.

Большинство контекстов этой парафразы в русской литературе последней трети XX в. связано с близостью их авторов к неофициальной культуре «подполья» или к ориентированной на постмодернизм эмигрантской словесности. Она становится почти обязательным сигналом пародийного дискурса или напряженной рефлексии метатекстовой и интертекстуальной направленности.

Так, сложную метатекстуальную игру на прямом (дрожь тела от холода) и метонимическом смысле (олицетворение русской литературы) выстраивает вокруг

реминисценции А. Битов в квазитравелогe «Япония как она есть, или Путешествие из СССР» (1977). В финале повествования, в котором писатель встречается со слависткой Маней Фуэнте, нарратор подытоживает раздробленность своей идентичности и демонстрирует мастерство поэтической аллитерации, одна из цепочек которой варьирует аллитерацию исходной парафразы Достоевского:

Она была синенькая, как цыпленок. Ей, по крайней мере, тоже было холодно. <...> *Не знаю, кто это пеРеЖиДает ДоЖДь в подворотне – я? авторское я? он? герой ненаписанного романа? сам ли ЧизмаДЖев? – но он там стоит, ТВАРь ДРоЖащая – и уже никогда не сдвинется с места – ибо, нет! о Боже! Нет! никогда не будет написан этот роман* (Битов, 1998, с. 250).

Неоднократно используется парафраза в первом гипертексте русской литературы – романе «Бесконечный тупик» Дм. Галковского (1988), для которого характерна уничижительная самооценка своего маргинального статуса и цитатного типа мышления:

Цитаты накладываются друг на друга и, включаясь собственно в текст статьи, образуют новый, магический смысл. И суть этого смысла – обвинение в адрес самого автора, то есть меня. Ибо что же такое все мои мысли, как не топтание около Розанова, около Набокова и даже Бердяева? <...> Я бесплоден. Я талантливое ничтожество, даже не ерунда с искусством, а ерунда в искусстве (929) (Галковский, 2008, с. 1175).

В комментарии это самоуничижение еще более усиливается: ведь это парафраза определения русской нации Розановым из «Апокалипсиса нашего времени»: «Тогда как мы “и не восточный, и не западный народ”, а просто ерунда, – ерунда с искусством...» (Розанов, 1994, с. 445). Негативная самооценка дополняется в намеренно неточном цитировании Раскольников, продолжая тем самым кружение внутри гипертекстового лабиринта русской литературы:

Я даже не ерунда с искусством, а ерунда в искусстве.

«Человек я или тварь дрожащая?» – вопрошал Раскольников. Но есть у него более интересная фраза, чем постоянно цитируемая «тварь»:

«Эх, эстетическая я вошь, и больше ничего» (Галковский, 2008, с. 1028).

Маргинальный статус и рефлексия Раскольникова / автора и автоперсонажа «Бесконечного тупика» совпадают внутри некоего гибридного архетипа «человека из подполья», находящегося в мучительном поиске своей творческой оригинальности.

Предсказуема вставка парафразы в перенасыщенную парафразами наррацию в романе «Палисандрия» (1985) С. Соколова, писавшемся в духе модного в те годы на Западе постмодернистского дискурса. В обращении Палисандра к «незнакомому биографу», собирающему сведения о его жизни, оценка воображаемого адресата сопровождается парафразами пророчества Исаяи, названия самого известного романа О. де Бальзака «Утраченные иллюзии» и романа М. Пруста «В поисках утраченного времени»: «Странный Вы, право, какой-то. Какая-то Вы, м. г., тварь дрожащая: всё трепещете, умиляетесь, приискиваете утраченные другими иллюзии» (Соколов, 2009, с. 299).

Не менее предсказуемо и использование парафразы в иронических центонах и парафразах Т. Кибирова конца 1980-х. В пастише «К вопросу о романтизме»

(1987) это часть коллажа, целью которого стало ироническое собрание сверхтекста русского нигилизма, от романтизма до поэзии времен революции. В данном контексте актуализируется преступная и иррефлексивная ипостась Раскольниковых, дилемма антигероя Достоевского отменяется императивами: «Не ссы! За процентщицей вслед замочи // и Соню, сначала отхарив, и Дуню, // и Федор Михалыча! Право имей! // Не любо? Дрожащая тварь, что – не любо?» (Кибиров, 2001, с. 113).

Память о сакральном и пушкинском источниках парафразы, конечно, сохраняется и в других собирающих сверхтекстах современной русской литературы начала 1990-х гг., в период моды на постмодернистскую поэтику в сегменте отечественной элитарной литературы. Так, в рассказе Т. Толстой «Сюжет» (1991–1997) значительный фрагмент текста составляет имитация литературного «потока сознания», мотивированная бредом раненого Пушкина, коллаж из узнаваемых реминисценций из текстов самого Пушкина, Лермонтова, Толстого и других авторов, а также аллюзий на их биографии:

Даль заволакивает дымом, кто-то падает, подстреленный, на лужайке, среди кавказских кустиков, мушмулы и каперсов; это он сам, убит, – к чему теперь рыдания, пустых похвал ненужный хор? – шотландская луна льет печальный свет на печальные поляны, поросшие развесистой клюквой и могучей, до небес, морошкой; прекрасная калмычка, неистово, туберкулезно кашляя, – тварь дрожащая или право имеет? – переламывает над его головой зеленую палочку – гражданская казнь; что ты шьешь, калмычка? (Толстая, 1997, с. 259).

Сознание Пушкина, «нашего всего», как и его историческая миссия, оказывается в альтернативной реальности истории и литературы, способной вместить в себя уже написанные и еще не написанные тексты. Парафраза используется как элемент вневременного дискурса русской литературы, в центре которого – трагическая или драматическая судьба писателя-изгнанника (ссылного, убитого, казненного), который, тем не менее, может изменить ход самой истории. Так, отправленный в ссылку и забвение Пушкин в альтернативной истории не только исправляет путь Володи Ульянова, но и становится современником разночинцев и соавтором Раскольникова.

Парафраза Пушкина проявляет свой имплицитный смысл даже в формально «раскольниковском» контексте. Так, она значима не столько для микроконтекста, сколько для текста в целом и сюжета рассказа С. Васильевой «...И романтические розы» (2001). Эпиграф из Ахматовой и аллюзии на биографию Пушкина в начале рассказа настраивают читателя на относительную вторичность повествования. Закономерно, что его героиня уничижительно сравнивает себя с Ахматовой, но в шкале оценки Раскольникова: «Анна Ахматова уже раскрыла нам глаза на дальние, тайные истоки родного пушкинского Петушка – но ведь то Ахматова, она право имела. А тут, на скамейке, – тварь дрожащая, и грань отчаяния точится всё острее, и никакой петушок уже не клюнет в темечко» (Васильева, 2001). Однако дальнейшие события – видение со странным мальчиком-ангелом (он же попросайка с картонным серебристым мечом), переживание некоего мистического откровения возвращают нас к изначальному пушкинскому смыслу этой парафразы.

Священный трепет перед Ахматовой в этом эпизоде становится сродни пушкинскому трепету перед Богом. Ведь она в этом рассказе – автор цитируемого

эпиграфа, а обилие роз в ее текстах («Запретная роза», «Последняя роза» и др.) – главная мотивировка названия рассказа и его центрального события – утренней встречи с мальчиком, который протягивает протагонисту букет роз. Дрожь из литературной реминисценции Пушкина / Раскольникова сливается с телесными ощущениями и сопровождает молитву, обращенную к Богу:

...а дрожь не унимается, растет, как осиновый лист, на ветру трепещет – Господи, если ты есть! Всё дрожит и просит: если кто-нибудь есть, отзовись! <...> Наконец-то хотелось только одного – уместиться, задержаться в этой единственной, чувствительнейшей точке пространства, где и надлежало тебе быть всегда, на которую изнутри тебя откликается то, что изначально там существовало, помимо этого утра, помимо твоей дрожи и трепета (Васильева, 2001).

В современной отечественной литературе заметным стал герой, которого можно называть «новым Раскольниковым». В своем советском прошлом это поэт, в постсоветском настоящем он превращается из возможного актора поля литературы в активно действующего агента бизнеса. Для подобного «героя из литературы» дилемма Раскольникова по-прежнему оказывается актуальна.

Так, в романе В. Пелевина «Generation “П”» (1999) бывший студент Литературного института Вавилен Татарский завершает свое поэтическое поприще парафразой из «Преступления и наказания»:

Больше он не писал стихов: с гибелью советской власти они потеряли смысл и ценность. Последние строки, созданные им сразу после этого события, были навеяны песней группы ДДТ («Что такое осень – это листья...») и аллюзиями из позднего Достоевского. Кончалось стихотворение так: «Что такое вечность – это банька, // Вечность – это банька с пауками (Пелевин, 1999, с. 16).

Однако встреча с однокурсником по Литинституту Сергеем Морковинным («...он был одной из самых ярких личностей на курсе и сильно косил под Маяковского» (Пелевин, 1999, с. 19)) полностью меняет его жизнь. Финал поэтической карьеры и начало новой иронически связывается мотивом вечности. В диалоге двух бывших поэтов-неудачников из пересмысленной парафразы того же романа рождается слоган нового времени и новый вектор судьбы героя:

– Господи, – сказал Татарский, – такие деньги... Как-то даже боязно.
– Вечный вопрос, – засмеялся Морковин. – Тварь ли я дрожащая или право имею?
– Ты, похоже, на него ответил.
– Да, – сказал Морковин, – было дело.
– И как же?
– А очень просто. Тварь дрожащая, у которой есть неотъемлемые права.
И лэвэ тоже (Пелевин, 1999, с. 22).

Дилемма Раскольникова не преодолевается новым поколением русских, а лишь осложняется безусловно признанным правом на самоутверждение. Еще до этого разговора Вавилен замечает, что руки Морковина дрожат самым недвусмысленным образом:

Татарский отметил тонкую, еле заметную дрожь пальцев, посмотрел на аккуратно опиленные ногти и понял, что клиент злоупотребляет стиму-

льторами. Это вполне мог быть, например, бандит средней руки или бизнесмен – или, как чаще всего бывало, нечто среднее (Пелевин, 1999, с. 19).

Однако и в «производственном» романе нового типа С. Данилюка (В. Данилова) «Рублевая зона» (2004), в котором изображается состояние банковского дела в России 1990-х гг., в схожей ситуации цитату из Раскольникова вспоминает банкир Онлиевский. Он тоже, как и Татарский с Морковиным, увлекался в молодости поэзией, его ернические монологи и поныне изобилуют общеизвестными цитатами: «Я ведь в молодости стихи пописывал. Очень Мандельштама люблю! Знаете? Есть у него одно стихотворение»; «– Ничто, как сказал поэт, не ново под луной»; «– А тут уже по Ленину получилось – “мы пойдем другим путем!”» (Данилов, 2000, с. 321–323).

Пелевин в 1990-е и 2000-е гг. приобрел репутацию не только писателя, успешно сочетающего социальную фантастику и саркастичную сатиру, но и «постмодерниста», ориентирующегося на расширение аудитории своих читателей за счет постоянных аллюзий на школьную классику, использования медийного и рекламного дискурсов. Поэтому он чаще других прозаиков использовал в своих романах аллюзии и реминисценции из «Преступления и наказания» – самого известного романа Достоевского (Достоевский с топором в «Т», Раскольников и старуха-процентщица в «Чапаеве и Пустоте», Порфирий Петрович в «iPhuck 10» и др.).

В следующем романе Пелевина «Числа» (2003) до и после неудачного покушения на банкира Сракандаева (т. е. попытки настоящего убийства) в Петербурге протагонист-банкир отождествляет себя соответственно со старухой-процентщицей и с Раскольниковым, испытавшим крушение своих представлений:

Это Степу не пугало – так оно было честнее. Кроме того, это могло быть и безопаснее. Кто подумает, что одну процентщицу замочила другая? Будут, как всегда в таких случаях, искать студента-идеалиста в длинном пальто (Пелевин, 2022, с. 148–149).

Не сумев совершить задуманное, герой оказывается в унижительной ситуации, удовлетворяя гомосексуалиста Сракандаева. Он испытывает сильнейшее возбуждение и страх («И тут Степе стало страшно» (Пелевин, 2022, с. 153); «А то раболепие, которое проснулось в нем самом, было вообще необъяснимо» (Пелевин, 2022, с. 156)), поэтому в самооценке парафразирует Раскольникова: «– Оказывается, я не только пидор, – сказал он наконец. – Оказывается, я еще и тварь дрожащая...» (Пелевин, 2022, с. 156).

Эта самооценка позволяет увидеть в парафразе сюжетобразующее обобщение статуса героя как «дрожащей твари»: на протяжении всей его жизни для него характерны фобия и тревожность в отношении всех чисел: «Стоило ему увидеть тройку рядом с четверкой, как дрожание центрального нерва личности показывало, что его договор с числами остается в силе – и будет теперь в силе всегда» (Пелевин, 2022, с. 24). Он ежедневно сверяет свои действия с символикой чисел и книгой «И-цзин»; его агрессивно опекают и контролируют сначала чеченцы, а потом сотрудник спецслужб Лебедкин и банкир Сракандаев: «Степа сначала сложил пальцы в замок, но все равно было видно, что руки дрожат. Тогда он спрятал их под стол» (Пелевин, 2022, с. 91).

Другой типичный герой современной прозы, для изображения которого используются оба варианта парафразы, – это начитанный интеллигент, попавший в трагическую ситуацию крайней степени унижения со стороны власти и крими-

нального мира или оказавшийся в роли бесправного потребителя. Это самооценка протагониста или нарратора, сочувствующего своему герою.

В. Залотуха в романе «Свечка» (2000–2014), изобилующем аллюзиями к Достоевскому и Толстому, парафразирует сюжетную ситуацию крайней степени унижения Евгения Золоторотова сокамерниками в тюрьме:

Боль и страх заменили все прежние чувства, изгнав тебя из тебя без остатка.

Девять дней одного – одна тысяча девятьсот девяносто восьмого – года под шконкой сорок четвертой камеры Бутырской тюрьмы лежала тварь дрожащая, не имевшая права ни на что, и это был ты, Золоторотов (Залотуха, 2016, с. 607).

В дамском романе М. Артемьевой «Фата на дереве» (2012), относящемся, конечно, к слою массовой литературы, парафразу произносит потомственный интеллигент Гена, гений в области математики и физики, по поводу вполне комической ситуации отключения электричества в дачном поселке:

– И что же будет? Когда теперь снова включат?

– Нынче, когда включат, говорить не велено. Выходит, я тварь дрожащая и прав никаких не имею. Вот, говорят, заплати, а мы потом подумаем (Артемьева, 2023, с. 41).

В отечественной массовой литературе детективных жанров парафразы из романа мало распространены. Например, в романе «Временно недоступен. Место перемен» (2015) А. Кивинова она используется лишь в эпизоде постановки «Преступления и наказания» в театре. Зато авторы альтернативной литературы, напротив, ищут российских Жене или Раскольниковых в криминальной среде. Так, Э. Лимонов в книге документальных очерков «По тюрьмам» (2004) старается выявить в Цыгане, одном из лидеров криминального мира, современного героя Достоевского. Используя материалы СМИ и собственные непосредственные впечатления от встречи с ним, он пытается найти в нем черты «мыслящего грешника», бунтаря и философа: «Он, кажется, пытался решить тот же вопрос, что и Родион Раскольников: “Тварь я дрожащая или право имею?”» (Лимонов, 2004б, с. 128). Зато оригинального Раскольникова он оценивает как несостоявшегося героя, который не соответствует масштабу своей идеи:

Родион Раскольников, так **пРавДиво**, так захватывающе **пРоРубивший** **удАрами** **топоРа** не окно в **ЕвРОпу**, но **пеРегоРодку**, отделяющую его от великих, убедившийся, что он не **тваРь ДРожащая**, этот же Родион становится пошлым слезливым **ПРидуРком**. Как раз тварью дрожащей. Великолепное лето в Петербурге и великолепное высокое преступление тонет в пошлости и покаянии (Лимонов, 2004а, с. 15).

Оценка Лимонова отличается необычной для него и демонстративной литературностью (пушкинская парафраза Петра I, типичный для интервьюеров Достоевского мотив «перегородки»), а также конгениальным по отношению к звуковому коду «Преступления и наказания» мастерством использованием аллитераций и ассонансов.

Иначе обстоит дело с текстами, которые задуманы авторами и написаны как демонстративные ремейки романа Достоевского с целью инверсии или градации его фабулы в актуальном социальном контексте. В повести О. Селедцова «Преступление и наказание. Век XXI» (2012) герой-рассказчик претендует на роль но-

вого Раскольникова, который задумал убить богатую пожилую женщину («старуху»). Несколько раз в своих дневниках он возвращается к парафразе «дрожащей твари», разбивая ее на два предложения и снимая дилемму Раскольникова:

Я смогу. Я сделаю. Я не тварь дрожащая. Я не стану делать пробу, как когда-то недочка Раскольников. Я приду, убью и возьму своё. Ужаснитесь, если кто-то ещё не понял величия момента. С вами говорю Я!!! <...> Я пришёл в этот мир не просто заявить о себе, я пришёл подмять этот мир под себя. И для этой цели переступлю через любого. Не тварь я дрожащая, о нет! Имею право <...> План мой работает безупречно. Не тварь я дрожащая. Я право имею. За мной, господа (Селедцов, 2012).

Первая часть парафразы переносится на потенциальную жертву: «Естественно, я эту тварь дрожащую не топором убивать буду. Криминал мне ни к чему»; «Сейчас я вновь ненавидел мою законную дрожащую тварь и вновь мечтал удушить, раздавить и растерзать эту полуразложившуюся, покрытую плесенью падаль»; «Я толкну её. Сильно, едва удержавшись на уступе сам. Я крикну ей вслед:

– Это тебе за всё! Тварь! Тварь! Тварь!!» (Селедцов, 2012).

Однако фабульная ситуация Достоевского инверсируется: герой сам становится жертвой пожилой женщины, мечтающей о мести мужчинам.

В романе С. Шуляка «Квартира номер девять. Роман с чертовщиной» (2014) герои, жители Петербурга, Зоя Шоколадова и Родион, пытаются заново воплотить фабулу «Преступления и наказания» в задуманном преступлении. До последнего этапа инициатива полностью принадлежит юной проститутке Зое, которая становится Соней Мармеладовой, рано лишившись невинности и прочитав роман Достоевского. Она, в отличие от своего романного архетипа, ищет и подбирает исполнителя будущего преступления с романским именем Родион и перечитывает вместе с ним текст.

Сначала она следует классической версии теории Раскольникова, но ее не принимает мусульманин Рустам:

– Теорию должен придумать ты, а ты меня спрашиваешь, – усмехнулась Соня. – Ну, например, сказать себе: человек я или тварь дрожащая? А ежели человек, так могу я разрешить себе пролить кровь по совести или нет? Спросить себя. И потом убить человека. самого мерзкого. Какую-нибудь старуху. Которая не старуха даже, а вошь!.. – Понятно, чего ты начиталась, – сказал Рустам. – У тебя душа нерусская, Рустам, – сказала Соня. – А такое только в русской душе уместиться может. – А может, лучше вошь убить и думать, что это – старуха? – спросил тот (Шуляк, 2014).

Из приведенного диалога очевидно, что парафраза о выборе «дрожащей твари» встраивается персонажем в ряд других узнаваемых аллюзий и парафраз из романа («старуха», «вошь», «разрешить себя», «пролить кровь по совести»). Искушая найденного ею маргинала Родиона Шмоткова, она использует ту же парафразу («перешагнуть через кровь») и аллюзию «вши», но уже в самооценке Раскольникова:

– Ты думаешь, в принципе, есть у тебя право переступить через кровь или нет? И если есть, тогда ты человек, может, даже великий человек. Вроде Наполеона. А если нет права или ты не можешь, тогда ты не человек, но – тварь дрожащая. И сам вроде вши.

– Так, – говорил Родион (Шуляк, 2014).

Родион, освоившись в роли Родиона Раскольникова, проявляет самостоятельность и логически завершает саму его «теорию»: «имеющий право» должен доказать это, убив самых близких себе людей:

– Если я... – вдруг взволнованно сказал Родион. – Если я – человек, а не тварь дрожащая, то что мне с того, что я убью вошь? Вошь убить – это ничего, это не преступление; недостойно человека – убивать вошь!.. Человек должен убивать равного, человек должен убивать близкого. – Это моя теория, – вдруг добавил он ещё с некоторой даже горделивостью. – Я вправе вносить в неё определённые изменения (Шуляк, 2014).

Герой доказывает это, совершив двойное убийство: сначала своей бабушки, а затем и случайно зашедшей к ней родной матери. Таким образом, сама идея антигероя и соответственно фабула «Преступления и наказания» трансформируются новым Раскольниковым в аспекте чудовищности преступления (т. е. градации нравственной деградации).

Итак, в данном случае мы имеем дело с тройной парафразой: Пушкин парафразирует Библию и Коран, Раскольников цитирует, а затем парафразирует Пушкина, десятки авторов в русской литературе, в свою очередь, парафразируют Раскольникова. Парафразы наиболее известного прецедентного текста романа функционируют в основном как «слово Раскольникова», но в виде словосочетания они в некоторых контекстах сохраняют смысловую связь с пушкинской парафразой. Оба варианта стали одной из самых узнаваемых и предсказуемых единиц парафрастического интертекста всей русской литературы и «Преступления и наказания», ее *locus communis*. В современной прозе она используется, как правило, в речи героя или героя-рассказчика и становится средством его самооценки. Ее характерологический аспект задан изначальной дилеммой – изображением «право имеющих» героев-карьеристов на новом витке капитализма в России / лидеров криминального мира или, напротив, «дрожащих тварей» – беспомощных интеллигентов. При этом сохраняется неустойчивость обозначенных статусов всех этих персонажей, расколотой и противоречивой самоидентификации. Другой тип героя, рефлексирующего над смыслом и актуализацией этой парафразы, обусловлен чтением самого романа Достоевского и попыткой подражать Раскольникову или даже превзойти его.

Список литературы

Ефремов В. А. Культурная память и прецедентные феномены: случай Ф. М. Достоевского // Мир русского слова. 2021. № 4. С. 65–72.

Капиталева К. С. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник // Зап. Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л.: 1929. С. 243–270.

Кузьмина Л. А., Ремчукова Е. Н. «Прецедентный мир» Ф. М. Достоевского в социокультурном и «игровом поле» современных медиа // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13, № 1. С. 45–67.

Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Серебряный век, 2016. 560 с.

Du Ryer A. L'Alcoran de Mahomet. Paris: Jean François Lucas, 1719. 485 p.

Savary C.-É. Le Coran, traduit de l'arabe, accompagné de notes, et précédé d'un abrégé de la vie de Mahomet, tiré des écrivains orientaux les plus estimés. Paris: Garnier Frères, 1892. 533 p.

Список источников

Артемяева Г. Ключ от всех дверей. Книга 2. Фата на дереве. М.: Феникс, 2023. 242 с.

Битов А. Неизбежность ненаписанного. М.: Вагриус, 1998. 592 с.

Васильева С. Триптих с тремя неизвестными // Октябрь. 2001. № 12. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2001/12/triptih-s-tremyu-neizvestnymi.html> (дата обращения 10.09.2023).

Галковский Д. Е. Бесконечный тупик: В 2 кн. М.: Изд. Дмитрия Галковского, 2008. Кн. 2. 608 с.

Данилов В. Банк. М.: Вагриус, 2000. 334 с. (Серия «Сделано в России»)

Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. СПб.: Наука, 1989. Т. 5. 573 с.; 1991. Т. 10. 447 с.

Золотуха В. Свечка. М.: Время, 2016. Т. 2. 864 с.

Кибиров Т. «Кто куда – а я в Россию...». М.: Время, 2001. 512 с.

Лимонов Э. Достоевский: 16 кадров в секунду // Лимонов Э. Священные монстры. М.: Ad Marginem, 2004а. С. 14–19.

Лимонов Э. По тюрьмам. М.: Ad Marginem, 2004б. 296 с.

Пелевин В. Generation «П». М.: Вагриус, 1999. 302 с.

Пелевин В. О. ДПП (НН). М.: Эксмо, 2022. 384 с.

Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962.

Розанов В. В. Собр. соч. Мимолетное. М.: Республика, 1994. 541 с.

Селедцов О. Преступление и наказание. Век XXI // Ковчег. 05.07.2012. № 36. URL: <https://litbook.ru/article/1582/> (дата обращения 15.06.2023).

Соколов Саши. Школа для дураков. Между собакой и волком. Палисандрия. Эссе. СПб.: Азбука-классика, 2009. 608 с.

Толстая Т. Н. Любишь – не любишь: Рассказы. М.: Оникс, 1997. 384 с.

Щуляк С. Квартира номер девять. Роман с чертовщиной // Волга. 2014. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/volga/2013/5/kvartira-nomer-devyat.html> (дата обращения 15.06.2023).

References

Du Ryer André. *L'Alcoran de Mahomet*. Paris, Jean François Lucas, 1719, 485 p.

Efremov V. A. Kul'turnaya pamyat' i pretsedentnye fenomeny: sluchay F. M. Dostoevskogo [Cultural memory and precedent phenomena: the case of F. M. Dostoevsky]. *The World of Russian Word*. 2021, no. 4, pp. 65–72.

Kashtaleva K. S. "Podrazhaniya Koranu" Pushkina i ikh pervoistochnik ["Imitations of the Koran" by Pushkin and their primary source]. In: *Zap. Kollegii vostokovedov pri Aziatskom muzee AN SSSR* [Proc. of the Collegium of Orientalists at the Asiatic Museum of the USSR Academy of Sciences]. Leningrad, 1929, pp. 243–270.

Kuz'mina L. A., Remchukova E. N. "Pretsedentnyy mir" F. M. Dostoevskogo v sotsiokul'turnom i "igrovom pole" sovremennykh media ["The precedent world" of F. M. Dostoevsky in the sociocultural and "game field" of modern media]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2022, vol. 13, no. 1, pp. 45–67.

Savary C.-É. *Le Coran, traduit de l'arabe, accompagné de notes, et précédé d'un abrégé de la vie de Mahomet, tiré des écrivains orientaux les plus estimés*. Paris, Garnier Frères, 1892, 533 p.

Tikhomirov B. N. "Lazar'! gryadi von". *Roman F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii: kniga-kommentariy* ["Lazarus! Get out". F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" in modern reading: book-commentary]. 2nd ed. St. Petersburg, Serebryanyy vek, 2016, 560 p.

List of sources

Artem'eva G. *Klyuch ot vsekh dverey. Kniga 2. Fata na dereve* [The key to all the doors. Book 2. Veil on the tree]. Moscow, Feniks, 2023, 242 p.

Bitov A. *Neizbezhnost' nenapisannogo* [Inevitability of the unwritten]. Moscow, Vagrius, 1998, 592 p.

Galkovskiy D. E. *Beskonechnyy tupik: V 2 kn.* [Infinite deadlock: In 2 bks.]. Moscow, Dmitry Galkovsky Publ. House, 2008, bk. 2, 608 p.

Danilov V. *Bank* [Bank]. Moscow, Vagrius, 2000, 334 p. (Series "Sdelano v Rossii" ["Made in Russia"])

Dostoevskiy F. M. *Sobr. soch.: V 15 t.* [Collected works: In 15 vols.]. St. Petersburg, Nauka, 1989, vol. 5, 573 p.; 1991, vol. 10, 447 p.

Kibirov T. "Kto kuda – a ya v Rossiyu..." ["Somebody is going somewhere – and I am going to Russia..."]. Moscow, Vremya, 2001, 512 p.

Limonov E. *Dostoevskiy: 16 kadrov v sekundu* [Dostoevsky: 16 frames per second]. In: Limonov E. *Svyashchennyye monstry* [Sacred monsters]. Moscow, Ad Marginem, 2004a, pp. 14–19.

Limonov E. *Po tyur'mam* [Going from one prison to another]. Moscow, Ad Marginem, 2004b, 296 p.

Pelevin V. *Generation "P"*. Moscow, Vagrius, 1999, 302 p.

Pelevin V. O. *DPP (NN)*. Moscow, Eksmo, 2022, 384 p.

Pushkin A. S. *Sobr. soch.: V 10 t.* [Collected works: In 10 vols.]. Moscow, Khudozh. lit., 1959–1962.

Rožanov V. V. *Sobr. soch. Mimoretnoe* [Collected works. The fleeting]. Moscow, Respublika, 1994, 541 p.

Seledtsov O. *Prestuplenie i nakazanie. Vek 21* [Crime and punishment. The 21st century]. *Kovcheg*. 05.07.2012. no. 36. URL: <https://litbook.ru/article/1582/> (accessed 15.06.2023).

Shulyak S. *Kvartira nomer devyat'*. *Roman s chertovshchinoy* [Apartment number nine. A novel with devilishness]. *Volga*. 2014, no. 5. URL: <https://magazines.gorky.media/volga/2013/5/kvartira-nomer-devyat.html> (accessed 15.06.2023).

Sokolov Sasha. *Shkola dlya durakov. Mezhdub sobakoy i volkom. Palisandriya. Esse* [School for fools. Between the dog and the wolf. Palisandriia (Astrophobia). Essays]. St. Petersburg, Azbuka-klassika, 2009, 608 p.

Tolstaya T. N. *Lyubish' – ne lyubish': Rasskazy* [You love – you don't love: Stories]. Moscow, Oniks, 1997, 384 p.

Vasil'eva S. *Triptikh s tremya neizvestnymi* [Triptych with three unknowns]. *Oktyabr'*. 2001, no. 12. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2001/12/triptih-s-tremya-neizvestnymi.html> (accessed 10.09.2023).

Zalotukha V. *Svechka* [The candle]. Moscow, Vremya, 2016, vol. 2, 864 p.

Информация об авторах

Вишакха Верма, аспирант кафедры русской литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

Валерий Владимирович Мароши, доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия)

Information about authors

Visakha Verma, Postgraduate Student, Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature, and Methods of Teaching Literature, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

Valerij V. Maroshi, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Theory of Literature, and Methods of Teaching Literature, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 30.11.2023;
одобрена после рецензирования 31.01.2024; принята к публикации 31.01.2024
The article was submitted on 30.11.2023;
approved after reviewing on 31.01.2024; accepted for publication on 31.01.2024*